

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЭКРАН И СЦЕНА

В нашей печати прозвучали тревожные голоса о судьбе исторического здания Малого театра, о его состоянии и о перспективах его реставрации. Хотелось бы продолжить этот разговор — и поговорить о судьбе самого Академического Малого театра.

Слово «академический» потеряло у нас свой первоначальный смысл. Значит оно — образцовый, строгий, опирающийся на традицию и испытанные времена правила. У нас оно значит — просто «академич». Отсюда — «академичность» — парадокс, как Академический театр имени Маяковского. Малковский всю жизнь боролся против академизма, и называть театр его имени академическим не равно, что назвать общество борьбы за мир именем Наполеона. Театр имени Маяковского — один из лучших московских театров, но он меньше всего является театром традиций.

Малый же театр, как и Художественный, а также Большой, всегда может быть назван академическим. Это театр традиции, театр преемственности мастерства, можно сказать — образцовый, заслуживающий подражания.

Восникает вопрос о сегодняшнем направлении театра, о том, насколько должен он привносить к современным театральным исканиям. Широко известны слова Есенина «порой заблещет и мне, рабая штаны бежащая за комсомолом». Так вот Малый театр нам раз не дождется бежать за Театром Ленинского комсомола, он должен оставаться самим собой.

Восникает вопрос о сегодняшнем направлении театра, о том, насколько должен он привносить к современным театральным исканиям. Широко известны слова Есенина «порой заблещет и мне, рабая штаны бежащая за комсомолом». Так вот Малый театр нам раз не дождется бежать за Театром Ленинского комсомола, он должен оставаться самим собой.

Мы восстанавливаем сейчас старые русские названия, дошедшие много столетиями ремесла и умения. И в Москве наряду с Василием Блаженным и Третьяковской галереей, Художественным и Большим театрами должен быть Малый театр, традиционный и по своим художественным принципам, и по репертуару. Предлику возражение: мы хотим превратить живой театр в музей, а это две вещи несовместимы.

Но, во первых, музей, в котором собраны прекрасные произведения искусства или памятники героического прошлого нашего народа, — совсем не мертвечина. А во вторых, искусство Малого театра сегодня не является музейным, как искусство театров.

Далее. Малый театр называют «домом Островского» — там же, как «домом Франсеэ» называют «домом Мольера». Но ведь давно сообщала пресса, французский театр заключил с телевидением контракт на показ всех без исключения пьес Мольера. Может ли такой контракт заключить за показ пьес Островского Малый театр? Увы, нет! На его сцене пьесы Островского идут. Среди спектаклей можно выделить «На всякого мудреца довольно простоты» (поставил покойного Ильинского) и «Красавица-мужичка». В них есть и серьезная режиссерская концепция, и достаточный высший уровень исполнения. Но другие спектакли вызывают серьезные возражения.

К примеру, очень бледно выглядит «Дождное место». Спектакль не блещет актерскими удачами. За исполнением Бордюк, мастерски играющего второстепенную роль Досуева, и спектакль нет актерских удач. Незыримельная и режиссура. А ведь одно из величайших созданий Островского, пьеса о чиновниках, могло бы прозвучать сегодня остро и сильно.

Возродит искусство исполнения Островского, вернуть на сцену «Грозу», «Бесприданницу», «Лес», «Волки и овцы» — первоначальная задача театра, его патриотический долг.

Еще более яркий пример — «Холмы Гвидио», поставленные Львовым Антониным. Этот спектакль так значителен, что даже наша общенациональная пресса, французский театр заключил с телевидением контракт на показ всех без исключения пьес Мольера. Может ли такой контракт заключить за показ пьес Островского Малый театр? Увы, нет! На его сцене пьесы Островского идут. Среди спектаклей можно выделить «На всякого мудреца довольно простоты» (поставил покойного Ильинского) и «Красавица-мужичка».

Второй особенностью этого спектакля как спектакля Малого театра — то, что его мастера создали и вывели на сцену галерею ярких, выразительных, типичных характеров. Не говоря уже о Голубеве в роли старой артистки, тут можно назвать и Гусенко, играющего глупенькую барыню, восхитившую парижскими модами, и Бочкарева в роли удалого офицера князя Платова, и хитрого чиновника Ветчинкина — Маршачка и многих других.

Статья А. Штейна, давнего и горячего поклонника, исследователя и пропагандиста творчества Малого театра, свидетельствует: неблагоприятные условия, не мешают, но не позволяют ни сил заглянуть на него глаза. Состояние труппы, репертуара, уровень режиссуры требуют решительных мер по обновлению.

Чтобы «сдвинуть что-либо с мертвой точки, мало приложить усилия, нужно еще и направить. И если с философской точки А. Штейн трудно не согласится, то о значении слов «академический», «академичность» (можно сказать быть Малым по смыслу своего существования) возможно поспорить. Как мы странно, спор о словах оказывается спором о путях развития.

«Академический», по А. Штейну, означает «образцовый, строгий, опирающийся на традицию и испытанные времена правила». И еще — «эстетический подражания».

В БСЗ, в слове «академический» театр дан вразом без пологом определении: это те театры, которые «выработали на протяжении длительной творческой практики прочные традиции, воспита-

нейшим и опытным экспериментом: искать те новые формы, в которых только и может воскреснуть вечная истина. Поэтому А. Васильев, в мой взгляд, в гораздо большей степени режиссер традиционного театра «Школа драматического искусства», чем В. Иванов, работавший в Малом.

«Наш национальный театр, чуть было не став помешком. Он развивался под воздействием неухоженного классицизма своего руководителя, упрямствующей и собранные архаичные традиции. Тут больше ничего не создавалось, тут только создавались лишь, тем, что слегка обновляли постановку» и заменили одним посредственными актерами другими, не менее посредственными». Эти мучительно звучащие фразы сказана около 20-х годов лет назад о театре «Комедия Франсез», который по праву ставится А. Штейном в пример Малому. Говорить о бережном и творческом отношении к национальным театральным традициям в «Доме Мольера» можно не вопреки, а благодаря тому, что на этой сцене с 50-х годов был закреплен символический традиция и новации, пьесы Мольера и Расина шли рядком с пьесами Пришвина, Ибсена и Бунгева, добросовестным эстетическим стимулированием с рисованными режиссерскими экспериментами Б. Ессона, Н. П. Анеля, Т. Левица и находили отклик у других, «О Доме Шекспира», где работали Пьер Буль, Грегор Нам, Питер Холд, не будем и вспоминать...

Конечно, Малому театру необходимо решительное обновление, нужны свежая сила. Но если искать не «средний актер» и режиссера, а именно высочайшие в сегодняшнем театре Малого театра — не традиции, им новации искать не следует.

Сложившись в нашем сознании величественный образ Малого театра неизменно предвзвешивает в качестве ответа на вопрос «каким быть?». Пожелаю на то, как бы это. Конечно, локальные изменения возможны на этой дороге тоже, но за эти узкие пределы приходится расплываться удушающим стечением фантомов, состав которых складывают многие спектакли из названных А. Штейном да и некоторые названные премьеры последних сезонов. Эти премьеры по делу не замечают, а впадают в сон, в одну из тех, в которых болью следствия за тем, как приращение серости и апатичности становится основным содержанием работы Малого театра. Нам обрадовалось все и в один голос «академич» наконец хоть что-то, серьезного разговора стоющего.

Ну и последнее: как у нас все спуталось! Прочетники классиков XX века — Евкетта, Маяковский, Мейерхольд — замечены в «ложном» авангарде — просто потому, что не усвоили, лишь обильными словесами и культурной обидой на традиции. Горюха ф современных театральные искания, вспоминаем о Марке Захарове, поспешающими работающим до вполне сформированности театральное искусство.

Это не прелесть с А. Штейном, но лишь попытка воспользоваться удобными словами, чтобы лгивая раз напомнить, как чудовищно смешаны понятия, как скрутились ценности и культура, изобретены домыслы и культурный обман, как выходящая — нет, не в традицию, — в узко-националистическую створотли.

Как известно, Юрий Тынянов когда-то назвал свой труд «русский авангард», а в «История литературы» писал: «Редутеры были покарены странным, и он заменил его словом «жизнь». Вот это слово, призванное ослеплять, традицию от эксперимента, нас до сих пор и мучит. До сих пор театр, синтетический репертуарный театр, и не может существовать, пока не будет сделанной по удобным и привычным правилам, драматургии, всего того, чтобы, занимаясь главным своим делом: искать и находить новые времена, новую традицию, так, как она возможна, и может, неадекватно в зоне художественного диска.

«Словарь Ожегова дает несколько толкований слова «академический». Последнее, переносное значение: «оборачиваемый, малодоступный, непопулярный», — добавляет БСЗ. Учитывая это первоначальное значение, спросим себя: или раз как быть Академическому Малому театру!

А. СОКОЛНИКОВ.
Фот. А. Селиванов

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ ПРОБЛЕМЕ

И сделать это надо в возможно короткие сроки. Если мы не сделаем этого сейчас, потопит вас не протист. К решению этой задачи надо привлечь всех, кто имеет право делать (напрямую, режиссура ШТГ Г. Пенчиной, поставившего несколько прекрасных спектаклей по пьесам Островского).

Мы вечно не говорили пока о современном спектакле. Он, конечно, необходим и всегда составлял неотъемлемую часть репертуара Малого театра. Но, может быть, пока не полноценных пьес, объявить два следующих сезона сезонами русской и западноевропейской классики? Или, возможно, заимствовать почетное место в афише театра. Да и сегодня на его сцене идет ряд спектаклей высокого художественного уровня, заслуживших современное звание «Наследие драматического искусства». Постановщики спектакля В. Иванов взглянуть на XVIII век через призму художников «Мира искусства». Там Простакова (ее превосходно играет Давыдова) выглядит на визуальной режиссерской бабке, а княжича дамкой, которую легко представить себе и петербургском салоне, что не мешает ей быть родливой и ностальгической «заповивая; девственной тираникой. Сейчас, конечно, театр, как театр, продолжает жить, живя как обычно продолжаясь в современном театре персонажа, как Стародум и Правдин. Мало того, театр Стародума у тех, кто вместо того чтобы служить Отечеству, ищет и жаждет крика, а крик, везлаво оказавшись живыми и современными.

Существует представление, что актерский стиль Малого театра устарел, что не отвечает стилю современного театра. Действительно, актерское искусство современного советского театра базируется на школе Художественного театра, системе Станиславского. Но, когда утверждать устарелость искусства Малого театра, уместно вспомнить отношение и к нему не только самого Станиславского, но и Мейерхольда. Как известно, Станиславский считал труппу Малого театра «труппой гениаль» в говорил, что свое искусство вынул из нее, а Мейерхольд был горячим поклонником чести Садовских, а лучшим актером, которого он видел в своей жизни, считал Александра Павловича Ленского. Илья, сегодняшних актеров Малого театра, выступающих, например, в кан- но в ансамбле с актерами других театров, никогда не производят впечатления архаичности.

Недавно одна известная актриса сказала по телефону, что ей интересно играть первые десять спектаклей, когда ее смотрят зрители, а потом она просто «тает» димку.

Подобный подход был всегда чужд Малому театру. Он всегда работал на большую аудиторию, на зрителя, который приходил смотреть спектакль, «жить жизнью». С моей точки зрения, это и есть суть театрального искусства.

А. ШТЕЙН,
доктор искусствоведения.

ли не основе эти традиций значительных актеров, создали ряд спектаклей, получивших широкое признание...» Поможе, да не то же.

Выбирая традицию или опираясь на нее! Если традицию можно свести и набору испытанных приемов, правил, то театр, как правило, образцово выполняящий, — действительно театр. Даже если в нем идут современные пьесы (если ведь и «музеи» современного искусства). Музей демонстрирует нам чужие образцы: собирает, хранит, но не приращивает.

Попробую представить: неизбежные правила нет. Тогда много встает на места. Понятен и Академический театр имени В. Маяковского — имени поэта, давшего начало мощной поэтической традиции (но и укороченной в традиции — тоже! вспомним колкий разветвляющий стих, допущившую поэзию, гражданскую лирику Некрасова). Понятно и то, почему великая поэзия, обожившая эти искусства XX века — Осипа Мандельштама, Томаса Стенда Элюара — с полным основанием называют традиционалистами.

Традиционализм — не следование за рулем, а прокладывая дороги сквозь завалы и топи. Традиционный театр не демонстрирует «образцовый прием», а высматривает формулу будущего — если, конечно, называть вещи своим именем и не впадать в традициальную элементарную косность, бояли новизны и полноты художественного мышления. В этом, мнелюбимые как эстетический процесс, так и мис, свойственный, быть традиционалистом — значи участвовать в увлекатель-